

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49>
УДК 94(571) «16/18»+ 271.2

**«...ХОТЕЛ БЫЛО ВЗЯТЬ МЕНЯ СЕБЕ ВМЕСТО ЖЕНЫ И ЖЕНУ СВОЮ
ОСТАВИТЬ ЗАКОННУЮ...»: К ВОПРОСУ О ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЯХ
ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ
ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА¹**

Алена Фот
ООО Климат комфорт,
Оренбург, Россия

**“... YOU WANTED TO TAKE ME INSTEAD OF YOUR WIFE AND LEAVING YOUR
LEGAL WIFE...”: TO THE QUESTION OF THE FOREIGN RELATIONS OF THE PA-
RISH ORTHODOX CLERGY OF THE ORENBURG DIOCESE OF THE SECOND HALF
OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES**

Alena Fot
ООО Climate Comfort,
Orenburg, Russia

Introduction. The article raises the issue of extramarital affairs of the parish Orthodox clergy of the Orenburg diocese of the post-reform period. This problem has practically not been considered in Russian historiography. **Materials and methods.** The ministers of the church throughout their lives had to teach lessons of high morality, demonstrate a pattern of righteous behavior and contribute to the spiritual improvement of the laity. Therefore, even psalmists were not allowed to engage in extramarital affairs. **Results.** However, young people who were not bound by marriage and sacred vows were easily tempted to enter into an affair with a widow or a domestic servant. Clerics did not have the opportunity to re-legitimize their relationship with a woman. As a result, young widowed priests often acquired mistresses, the clerics' addiction to alcohol contributed to entering into an illegal relationship. And also the troubles in family life. According to the "Statute of Spiritual Consistories", clerics were supposed to be defrocked and excluded from the ranks of the clergy for adultery. **Conclusion.** However, an analysis of materials from the funds of the United State Archive of the Orenburg region shows that such a trial attracted universal attention and contributed to discrediting the reputation of the clergy as a whole. In order to avoid a scandal, the diocesan authorities resorted to such a harsh measure only in the case of a direct confession of the accused. It is noted that both single psalmists and married clerics entered into extramarital affairs. Widowed clerics were tempted to acquire a mistress, since a second marriage was forbidden. As a result, the article concludes that extramarital affairs of the clergy of the Orenburg diocese were not a rare occurrence, although they were condemned by society and the church itself.

Keywords: Everyday life, Orenburg diocese, post-reform period, parish Orthodox clergy, extramarital affairs.

¹ Оригинальная статья.

Citaton: Fot A. "...You wanted to take me instead of your wife and his own legal wife...": to the question of extramarital relations of the parish Orthodox clergy of the Orenburg diocese of the second half of the XIX-early - XX centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49. Фот А. «...Хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную...»: к вопросу о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии второй половины XIX-начала XX века // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 37-49. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49.

© Фот А., 2023

Введение. В статье поднимается вопрос о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода. **Материалы и методы.** Данная проблема практически не рассматривалась в отечественной историографии. Служители церкви на протяжении всей своей жизни должны были преподносить уроки высокой нравственности, демонстрировать образец праведного поведения и способствовать духовному совершенствованию мирян. Поэтому даже псаломщикам не было дозволено вступать во внебрачные связи. **Результаты.** Однако молодые люди, не связанные брачными узами и священными обетами, легко поддавались искушению вступить в связь с вдовой или домашней прислугой. Клирики не имели возможности повторно узаконить свои отношения с женщиной. Вследствие этого молодые вдовы священники нередко обзаводились любовницами. Вступлению в незаконную связь способствовало пристрастие клириков к алкоголю, а также и проблемы в семейной жизни. Согласно «Уставу духовных консисторий», за прелюбодеяние клириков полагалось лишать сана и исключать из рядов духовенства. Однако анализ материалов из фондов объединённого государственного архива Оренбургской области показывает, что подобный судебный процесс привлекал всеобщее внимание и способствовал дискредитации репутации духовного сословия в целом. Во избежание скандала епархиальные власти прибегали к столь суровой мере только в случае прямого признания обвиняемого. **Заключение.** Отмечается, что во внебрачные связи вступали как холостые псаломщики, так и женатые клирики. Большому соблазну обзавестись любовницей подвергались вдовы клирики, поскольку второй брак был запрещён. В итоге в статье делаются выводы о том, что внебрачные связи священнослужителей Оренбургской епархии не были редким явлением, хотя осуждались обществом и самой церковью.

Ключевые слова: повседневность, Оренбургская епархия, пореформенный период, приходское православное духовенство, внебрачные связи.

1. Введение.

Заметным явлением в новейшей историографии Русской Православной церкви стало обращение к повседневной жизни приходского православного духовенства пореформенного периода. Такие историки, как Т. Г. Леонтьева, А. И. Конюченко, А. В. Скутнев, Ю. И. Белогова, С. А. Иконников, А. Г. Фот [3; 6-8; 29; 33] уделяют значительное внимание вопросам правового положения клириков материального обеспечения духовенства, их взаимоотношениям с прихожанами просветительской и пасторской деятельности духовенства. На значительном источниковом материале, прежде всего, регионального характера, воссоздается картина быта и нравов православных священно-церковнослужителей различных епархий дореволюционной России. Изучение повседневности приходского клира невозможно без анализа поведенческих практик клира и их нравственной основы. Т. Г. Леонтьева пришла к выводу, что нравственный облик священнослужителей в значительной мере зависел от обстоятельств, в которые их ставила обыденная жизнь и политика государства. Неканоническому поведению духовенства часто способствовали сами прихожане [8, с. 33]. Аналогичной точки зрения придерживаются Т. А. Берштам и А. В. Скутнев [4, с. 115; 30, с. 63-77]. Историки отмечают, что основными правонарушениями представителей духовенства были: неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, нарушение норм общественной морали и порядка, преступное поведение. Чаще всего отмечались такие прецеденты, как венчание людей не своего прихода, пьянство, систематическое отсутствие на службе, грубость в отношении прихожан, долговые обязательства [2, с. 215-221].

2. Материалы и методы.

Интересно, что обращаясь к проблеме девиантного поведения приходского клира, исследователи не касаются такого аспекта неканонического поведения священно-церковнослужителей, как супружеская неверность и нарушение целомудрия. В то же время пристрастие к алкоголю и зачастую не самые благоприятные обстоятельства семейной жизни способствовали тому, что представители духовенства вступали в «порочные связи». Не претендуя на полное раскрытие данной проблемы, попытаемся частично осветить некото-

рые ее характерные составляющие путем анализа конкретных исторических примеров из жизни приходского духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода.

3. Результаты.

Серьёзному соблазну вступить во внебрачную связь были подвержены псаломщики. Они, хотя и принадлежали к духовному сословию, но перед вступлением в должность над ними не совершали таинства рукоположения. Поэтому псаломщик, согласно 26 апостольскому правилу, имел право венчаться, уже вступив на путь служения церкви [27, с. 86]. Молодые люди, не связанные брачными узами, не видели особого греха в том, чтобы вступить во временную любовную связь. Тем более, что в приходах было достаточно молодых вдов, которые нанимались домработницами к местному духовенству.

Сына священника Сергея Константиновича Холмогорцева определили псаломщиком к Дмитриевской церкви села Александровка Оренбургского уезда 26 июня 1913 года. За неимением в приходе свободного дома холостого псаломщика двадцати четырёх лет поселили с семьёй настоятеля храма Ивана Корякина [25, л. 5об-6]. Уже 22 сентября 1914 г прислуга Корякиных – крестьянская вдова Елизавета Севастьянова жаловалась епископу Оренбургскому и Тургайскому Мефодию, что псаломщик Холмогорцев склонял её к любовной связи. Поскольку она не соглашалась даже под угрозой «побоев и смерти», Холмогорцев «...в первых числах января 1914 г. взошел ко мне в кухню, бросил меня на печь, начал наносить мне сильные побои и схватил меня за ворот, и зажал мне рот, и насильно сделал со мной сношение. И от чего я забеременела» [19, л. 18]. В доказательство справедливости своих обвинений женщина ссылалась на няньку детей священника Корякина Наталью Захарову, которая будто бы всё видела. Елизавета Севастьянова просила провести следствие и наказать виновного» [19, л. 18об.]. Свидетельница Наталья Захарова на допросе у священника Ивана Иноземцева, которому консистория поручила расследовать дело, показала, что Елизавета Севастьянова в январе 1914 г. прибежала к ней в спальню, где она укладывала ребёнка и сообщила о попытке изнасилования со стороны псаломщика Холмогорцева. «... Затем во второй раз недели через две», - продолжала Захарова - «когда мы с Елизаветой уже спали на печке, домой пришёл псаломщик Холмогорцев, залез к нам на печь и, зажав Севастьяновой рот, имел с ней сношение в моём присутствии, хотя до этого пытался прогнать меня с печи» [19, л. 25]. К сказанному свидетельница добавила: «Пришёл Холмогорцев домой выпивши, и я думаю, что сделал это он под влиянием водки. Будучи же трезвым он вёл себя всегда прилично и с предложениями к Севастьяновой не лез» [19, л. 25об.]. Константин Холмогорцев признавал, что действительно состоял с крестьянкой Севастьяновой во внебрачной связи, но «первой виновницей здесь была она сама неоднократно предлагала иметь с ней сношение, когда же он, наконец, решился, то она и воспользовалась этим, объявила свою ложь, что беременна. <...> До возбуждения дела уговаривала его жениться на ней якобы «покрыть грех» [19, л. 25об.]. Позже Елизавета Севастьянова подтвердила, что действительно вступила в связь с Константином Холмогорцевым добровольно, «когда я почувствовала в конце мая 1914, что регулы у меня не начались, я сильно испугалась, думая, что забеременела; и вот тогда-то из-за злобы, а главное из-за страха перед моими свёкром и свекровью, я решилась жаловаться епархиальному начальству, думая, что буду иметь ребёнка. В октябре же месяце 1 или 2 числа у меня начались регулы, и я тут же хотела прекратить дело против псаломщика Холмогорцева, но было поздно» [19, л. 21]. - Сообщила женщина на слушанье дела в консистории 10 октября 1914 г. Однако это псаломщику уже не помогло. Поскольку он лично признался в нарушении целомудрия, то согласно 185 статье «Устава Духовных Консисторий» «...никто обличённый в нарушении целомудрия или святости брака, не может оставаться в духовном звании, но исключается из оногo» [31, с. 73]. Константина Холмогорцева отрешили от должности и исключили из сословия. Многочисленные письма прихожан в защиту псаломщика не возымели действия на епархиальное

начальство [19, л. 29, 44-55]. Максимально жесткий приговор явился следствием откровенного признания молодого человека. Обычно, учитывая суровость канонических правил и уставов, в епархии стремились не выносить приговоров по 185 статье. Если подсудимый упорно не признавал своей вины, судья при вынесении приговора использовал другую формулировку, опираясь на близкие по смыслу статьи «Устава» и виновный избегал исключения из духовного звания. Так, Елизавета Ивановна, жена дьякона станицы Новочеркасской Оренбургской губернии Фёдора Маляровского неоднократно упрекала преподавательницу местного училища Прасковью Капустину в связи со своим мужем. Женщина утверждала, что супруг отдаёт полученный доход любовнице и много пьёт после встреч с ней. Елизавета Ивановна просила Капустину оставить её мужа [11, л. 6, 30]. Увещевания не дали никакого результата. Дьякон продолжал вести себя по-прежнему, и даже стал поднимать на жену руку. Свидетелями попойек, супружеских измен и побоев, которые дьякон наносил жене, становились как бывшие квартиранты Маляровских, так и их соседи. Они ходили с жалобами к местному благочинному Константину Белову, опасаясь, как бы дело не дошло до «судебного случая, могущего произойти от побоев, потому что дьяконица была в положении» [11, л. 55-56об.].

Однажды нервы дьяконши не выдержали, и она устроила мужу скандал прямо на крыльце дома Капустиной. При этом присутствовали ещё два дьякона станицы Новочеркасской и знакомая Капустиной – Елизавета Рахманинова. Она рассказывала: «...Жена Маляровского подступила к крыльцу квартиры Капустиной, при мне взяла мужа за грудь, <...> высказывала ему, - «разве у тебя нет жены», дьякон Пикторов на всё это смотрел хладнокровно, а дьячок Нечаев уговаривал прекратить крупный разговор и неприличные выговоры. В это время дьяконица Маляровская назвала Пикторова и Нечаева сводниками и говорила при мне, обращаясь к мужу, чтобы он расстался с Капустиной» [11, л. 17-17об].

Дальнейшие события являются яркой иллюстрацией семейных православных традиций, которым следовали в среде приходского духовенства. Когда благочинный Константин Белов, потеряв надежду воздействовать на Фёдора Маляровского, донёс о его семейных обстоятельствах в духовную консисторию [11, л. 11об.], и началось следствие [11, л. 5-6], Елизавета Ивановна начала всё отрицать [11, л. 33-34, 57]. Первоначальное обвинение «в нарушении святости брака» заменили обвинением «в крайнем неблагоповедении» и намеревались разжаловать дьякона в причетники «с отрешением от места до раскаянья и исправления» [11, л. 115]. А после того, как свидетели, вероятно, под давлением супруги Маляровского изменили первоначальные показания, и стали утверждать, что «...хотя в разное время дьякон выпивши и бывает, но пьяным до бесчувствия они его не видели, в блуде он не замечен, нрава кроткого и поведения хорошего» [11, л. 96-99]. Дьякона всего лишь на месяц отправили в Оренбургский Богодуховский монастырь [11, л. 120]. Отказываться от своих слов и усердно хлопотать о смягчении участи мужа женщину, вероятно, заставляло привитое с детства смирение и покорность мужчине. Немаловажную роль играла и перспектива остаться без средств к существованию.

Точно так же в похожей жизненной ситуации вела себя Антонина Михайловна – жена дьякона Ново-Московского хутора Челябинского уезда Герасима Коцубова. Подробности семейных неурядиц супругов Коцубовых стали известны в узде после жалобы крестьянской девицы Дарьи Ермолаевны Юрко. Девушка сообщила в Оренбургскую духовную консисторию 15 октября 1914 г., что они полюбили друг друга ещё в 1907 г., когда Герасим Коцубов с семейством прибыл в их приход, чтобы занять место псаломщика. Дома для младших членов причта на хуторе не было, и семью псаломщика поселили у крестьян Юрко. С этого момента псаломщик, как писала Дарья, Коцубов «...уговаривал меня жить с ним в любовной связи». Долгое время после того, как девушка стала его любовницей, «хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную» [18, л. 32]. Шли годы, Герасима Коцубова в 1911 г. посветили в сан дьякона и переселили в выстроенный для не-

го дом [23, л.183,189]. Однако связи с любовницей дьякон не прекратил. По словам Дарьи, они продолжали встречаться «до самого последнего времени». Однажды девица не смогла прийти на очередное тайное свидание у озера. Герасим Коцубов в расстроенных чувствах написал ей записку. Именно её Дарья прилагала к прошению о приостановке производства дьякона Коцубова в священники, в качестве весомого доказательства их прелюбодейной связи. Дьякон писал: «Из всего видно, что ты меня водишь за нос, как кошка мышку; во вторник обещала прийти и не пришла, а я ждал до самого полдня и имел кое-что многое, а теперь пропиваю. Любящий тебя Герасим» [18, л. 33]. Столь откровенное послание в консистории посчитали достаточной причиной для немедленного возбуждения следственного дела. Дьякон, разумеется, всё отрицал, сообщив следователю, что компрометирующее его послание он отправлял не Юрко, а своей сестре, которую также звали Дарьей. Она жила на хуторе Петровском в 10 верстах от дома дьякона. Брат с сестрой часто переписывались, так как, по словам Коцубова, их всегда связывала самая тёплая и тесная дружба. Сестра воспитывала его после смерти родителей на свои средства. Теперь зажив самостоятельно, он по возможности помогал ей материально. Когда сестра в назначенное время не пришла забрать предназначенные ей деньги, дьякон отправил ей записку, которая каким-то образом попала к Юрко [18, л. 41]. Опрос Дарьи Коцубовой не помог однозначно оправдать её брата. Она подтверждала, что они нередко переписывались, но не помнила случая, чтобы не забрала у брата предложенные ей деньги [18, л. 42]. Много жителей хутора были свидетелями брани, которой осыпала Дарью Юрко супруга дьякона. Антонина Михайловна таскала девушку за волосы на площади, громко обзывая её «сволочью и «блядью» [18, л. 82-84]. После этого конфликта по свидетельству Татьяны Долматовой, Ирины Руденко и Марфы Подорожной Дарья Юрко сказала: «Пусть я блядь, но напишу на дьякона просьбу и тогда он не будет батюшкой, а дьяконица матушкой» [18, л. 52-52об., 55]. С этого дня по хутору пошли упорные разговоры, что Дарья Юрко – любовница дьякона. Нашлись и те, кто утверждал, что им известно о любовной связи дьякона со слов его жены. Это был местный священник Карп Хомутовский с супругой Евгенией Андреевной [18, л. 30,48], а также брат Дарьи Юрко Яким и её сноха Акулина, к которым Антонина Андреевна якобы приходила с требованием «унять бесстыжую девку» [18, л. 47]. В консистории понимали – родственники обвиняемой сторона заинтересованная, потому их показания нуждаются в дополнительной проверке. Показания священника Хомутовского также вызвали сомнения, поскольку в бумагах консистории за 1912 год обнаружилось следственное дело, из него следовало, что при совместном служении дьякона Коцубова со священником Карпом Хомутовским при церкви хутора Ново-московского последний состоял под следствием по обвинению в изнасиловании и прелюбодейной связи с девицей Кузнецовой. Следствием установлено, что подлинное письмо Хомутовского у Кузнецовой было украдено неким Шарабановым. Священник Хомутский выкупил у Шаробанова это письмо при посредничестве дьякона Коцубова за 276 рублей, из которых 96 за хлопоты получил дьякон. На следствии дьякон и его супруга были свидетелями обвинения. Супруга дьякона утверждала, что видела любовное письмо и читала его. Теперь у судей возникал вопрос: не являются ли показания супругов Хомутовских мстью чете Коцубовых?[18, л. 97]. Вместе с тем Антонина Андреевна заявила в суде: «...подозревать мужа в неверности у меня нет оснований. Он никогда не давал повода. Женились мы по любви, и живём всё время хорошо. Ругалась и была Юрко я за то, что та навела у людей сомнение относительно нашей супружеской жизни» [18, л.50]. Герасима Коцубова уже собирались оправдать. Однако в руки следствия под занавес попали письма, в которых Дарья Юрко обещала дьякону обнародовать их любовную переписку, если он не даст ей денег. Дьякон намеревался выкупить письма[18, л. 65-66]. Данное обстоятельство заставило судей признать: «Между этими двумя людьми имела место быть тесная не вполне ясного характера связь, которая время от времени побуждала их вступать в переписку, а порой требовала тайных свиданий». Члены консистории, оберегая репутацию своего сословия,

постановили: «Обвинение дьякона Коцубова в нарушении целомудрия супружеской жизни путем прелюбодеяния, считать не нашедшей достаточного основания. За соблазнительные же отношения дьякона Коцубова к девице Юрко, за тайную переписку с ней и встречи наедине подвергнуть Коцубова двухмесячной епитимье с выполнением черных работ при Николаевском монастыре Троицкого уезда. На этот же срок запретить ему священнослужение. По исполнении епитимии отдать его под особо строгий надзор местного благочинного» [18, л. 104-105]. После отбытия наказания Герасим Коцубов продолжил службу в прежнем приходе [18, л. 106]. Таким образом, эта опасная история закончилась для него вполне благополучно. Так случилось, потому что Антонина Андреевна, следуя своим представлениям о долге жены, не поддержала обвинения, а в консистории, избегая скандала, стремились если не замять дело, то хотя бы придать ему как можно более безобидный оборот. Впрочем, эта попытка едва ли способствовала поддержанию авторитета духовенства среди прихожан. Крестьяне, очевидно, считали, что представители клира нарушают супружеские обеты немногим реже своих пасомых. Недаром среди «Анекдотов прабабушки Домны», которые ходили по Оренбургу в 60-х годах XIX столетия есть совсем невеселая байка о том, как «захаживавший к молодайке дьякон» был убит разъяренным супругом, явившимся домой в неуточный час [1, с. 201]. Если подобные истории циркулируют в обществе в виде анекдотов, значит, они нередко происходили в обыденной жизни.

В прелюбодеянии обвинялись не только младшие члены клира, но и настоятели храма. Притчей в языцах стал священник Александр Денисович Ястребов. Он был сыном дьякона, получил образование в Оренбургском духовном училище, а по выходе из него сдал при Оренбургской гражданской гимназии экзамен на звание городского учителя. Начиная с 1871 г., преподавал в различных учебных заведениях Оренбургской губернии. Карьера его складывалась вполне успешно. С сентября 1879 по август 1882 года, он не только учительствовал во втором Оренбургском приходском училище, но и заведовал им [22, л. 194об.]. Однако обычная мечта большинства дьяконских сыновей - достичь настоятельства, побудила Ястребова сначала поступить в псаломщики, а через некоторое время принять сан дьякона. 19 марта 1882 г. Александр Ястребов рукоположен в священники к молитвенному дому деревни Новопокровской Орского уезда. Жизнь в деревне, где ещё не было полноценного прихода, оказалась тягостной для Ястребова. Поселиться пришлось в крестьянской семье, где ему с женой и двумя сыновьями отвели маленькую комнатку. Земли причту не дали, фиксированного жалования не назначили [20, л. 13]. Недовольный жизнью Ястребов начал искать утешения в спиртном, а выпив лишнего, впадал в буйство. Так великим постом 1885 г. «...выбив стёкла, окровавив себе руки, разогнав своё семейство, и ругался скверно, так что для прекращения дальнейшего буйства власти вынуждены были Ястребова связать [12, л. 6об]. Естественно такое поведение главы семьи не прибавляло ему уважения в глазах жены и детей. Вскоре разладились отношения и с паствой. Желая поправить материальное положение, настоятель стал брать завышенную плату за требы. В результате прихожане написали на него жалобу [12, л. 6]. Отца Александра отрешили от места «с низведением в причетники впредь до раскаянья и исправления» [12, л. 60]. Последующие годы прошли для Ястребова в перемещениях с места на место, периодических взысканиях, потерях и возвращении себе настоятельских должностей. Новый 1890 год Александр Ястребов встретил в одиночестве в селе Кананикольском Орского уезда, где он занимал должность настоятеля Богородицкого храма [22, л. 194об.]. Сыновья к тому времени получали образование в различных учебных заведениях епархии. Супруга – Татьяна Петровна, осталась жить в Губерлинском посёлке, где у Ястребовых был собственный деревянный дом [21, л. 195об.].

Отношения с новыми прихожанами Ястребов окончательно испортил уже через два года. 30 июля 1892 г. они составили приговор общины о «выдворении отца Александра Ястребова из прихода: «за частые отлучки из села Кананикольского и завышение платы за требы, а также за недостойное пастыря поведение» [13, л. 40], который и направили епи-

скопу. В августе началось следствие. Дело очень быстро приняло скандальный оборот. Выяснилось, что пастырь не только постоянно обирает прихожан, но и в отсутствие жены «встречается с женщинами и девицами подозрительного поведения» [13, л. 43об.]. Согласно показаниям свидетелей Алексея Иванова, Емельяна Пономарева и Фёдора Туменкова: «Возвратившись из отлучки, привёз с собой женщину лет 20 Наталью Завьялову. Этой Завьяловой доверяет он кроме своего имущества и хозяйства и выдачу церковного виноградного вина и муки для просфор» [13, л. 54]. Атаман Гурьев сообщал, что эта женщина «... вдова казачка Наталья Завьялова состоит в прислугах у священника Ястребова, поведения неодобрительного» [13, л. 137]. Между тем иерей часто ездил с Натальей в губернский город. Выезжал в деревню Красная мечеть - на рыбалку [13, л. 117-124]. Он выказывал женщине своё расположение, демонстрируя особую степень близости с ней перед прихожанами. Крестьянин Василий Смирнов показывал: «Я видел, как Завьялова расчёсывала священнику бороду и заплетала ему косы» [13, л. 44об.]. Другие жители поселка, в разное время посещая дом настоятеля по своим нуждам, тоже неоднократно наблюдали эту картину [13, л. 45об.-53об.; л. 115].

В своё оправдание отец Александр предоставил в консисторию два отпускных билета от благочинного от 21 февраля и 22 мая 1890 года [13, л. 170-171]. И ещё один от 22 января 1891 г. [13, л. 172]. Согласно этим документам, он имел право покинуть приход для поездки в Оренбург сроком на две недели. Из чего следовало, что «самовольной отлучки из прихода» не было. Кроме того по мнению Ястребова с Натальей Завьяловой его не связывало ничего дурного. По словам священника Завьялова «жила у меня и моей жены в прислугах около десяти лет. Я взял её с собой в прислуги в Кананикольск по настоянию жены» [13, л. 160]. Супруга, однако, не стала не подтверждать, не опровергать слова о. Александра. Татьяна Петровна только сообщила следователю, что «...на проживание моё вдаль от мужа у нас с ним общее согласие. По той простой причине, чтобы не лишится домишка, который имеется у нас в посёлке Губерлинском» [13, л. 157]. Священнику приходилось оправдываться и далее. По поводу так возмутивших прихожан заплетания кос он писал: «...косы мне заплетены были не только прислугой, но случалось в приходе делать это и совершенно посторонним женщинам.<...> Я страшную испытываю боль в левом боку и с трудом поднимаю вверх левую руку, а держать оную в таком положении более или менее продолжительное время вовсе не мог – вот и причина, которая заставляла меня прибегать к посторонней помощи» [13, л. 161об.]. Доказать факт своей болезни во время разбирательства иерей не смог. Потому его слова вызывали у судей недоверие. Отягощающим фактом стало и то, что Ястребов признал – в Красную мечеть с прислугой он действительно ездил: «поскольку имеет неистребимую страсть к рыбалке» [13, л. 162]. И все же дознаваться о степени близости священника с кухаркой на тот момент в консистории не стали. Приговором от 15 ноября 1892 г. Александра Ястребова только отрешили от места и донесли о «неблагоповедении» пастыря епископу [13, л. 184об.]. Епископ Макарий (Троицкий) 18 января 1893 г. наложил на приговор резолюцию № 533: «Утверждается. За неблагоповедение священнику Ястребову можно предоставлять место псаломщика впредь до его раскаянья и исправления» [13, л. 174]. Александр Ястребов обратился в консисторию, с просьбой о предоставлении ему копии указа об отрешении его от должности. В прошении он допустил оскорбительные выражения в адрес секретаря консистории. Секретарь подал жалобу в палату оренбургского уголовного и гражданского суда. Священника обвинили по 283 уложения о наказаниях. Ястребов вину признал, заявив, что был очень расстроен отрешением от должности, поэтому так и выражался [14, л. 3]. Его приговорили к штрафу на 25 рублей [14, л. 9]. Получить копию указа Александру Ястребову нужно было для того, чтобы затеять новый судебный процесс. Иерей считал, что следствие велось не справедливо, и оспаривал решение суда [13, л. 195]. Консистория вынесла решение по делу 23 февраля 1896 г. Приговор звучал так: За самовольное оставление в 1891-1892 должности священника Кананикольской церкви, за

притязательность и настойчивость в получении с прихожан платы за требы, за проживание без жены, содержание молодой женской прислуги неодобрительного поведения; за самовольные поездки с нею в Оренбург и Красную мечеть и крайне неприличные для пастыря церкви действия и отношение к ней, выразившихся в дозволении ей расчёсывать ему волосы и плести косы, считать священника Александра Ястребова отстраненным от должности по суду. Кроме того, взять с него подписку, что он всегда будет проживать со своей семьёй под страхом запрещения в священнослужении [13, л. 197об.]. Некоторое время Ястребов прожил в Губерлинском посёлке Орского уезда на вакансии псаломщика. Затем 24 сентября 1897 г., клирик был определен священником в молитвенный дом посёлка Грязновского Верхнеуральского уезда [22, л. 195]. В конце 1899 года Александр Ястребов был отправлен за штат, как «священник не могущий управлять приходом. Причиной послужили «частые отлучки из прихода без всякой законной надобности». Во время одного из таких отъездов умер больной, так и не дождавшись от иерея «просимого им напутствия». После этой истории отца Александра приняли на службу только 19 декабря 1902 г. Видимо, из-за недостатка священнослужителей в Орском уезде не единожды серьёзно провинившегося священника отправили настоятелем в посёлок Новочеркасский [16, л. 10-10об.]. Очевидно, Александр Ястребов совершенно не имел силы воли. Едва вернув себе место настоятеля, иерей принялся за старое. Крестьянин Фома Пантелеевич Косенков 3 апреля 1904 г. обвинил батюшку «в непристойной жизни» [15, л. 5]. Татьяна Петровна Ястребова, повинувшись указу консистории, теперь всегда жила с супругом. Однако тот, не стесняясь присутствием жены, оказывал знаки внимания их прислуге – Аксинье Ивановне Ващенко. Соседка Ястребовых Мария Картунова показывала на следствии: «матушка часто заходила ко мне и делилась со мной своим горем, говоря, что муж её живет с кухаркой, что последняя не подаёт ей приборы, из-за чего матушка остается иногда голодной; говорила матушке, что если она поедет с ними на свой хутор [Имеется ввиду хутор Донской в 12 верстах от Губерлинского посёлка – А. Ф], то батюшка прогонит её как неуютную [15, л. 120]. Мария Мишустина вторила этим показаниям и добавляла: «слышала я от Марьи Бирюковой и от матушки, что прежде не было у отца Ястребова такой кухарки, которая бы забирала в руки себе всё хозяйство» [15, л. 121]. Татьяна Петровна не стала свидетельствовать против мужа, поспешив скрыться у сына в станице Кизильской. На вопрос следователя Градо-Орского округа Петра Страхова, почему она так поступила, заявила: «позор мужа заставил меня удалиться от него впрямь до его оправдания» [15, л. 93об.]. Однако и без показаний супруги нашлось достаточно свидетелей, которые видели батюшку в пикантных обстоятельствах с его прислугой. Осенью 1903 г. Ястребов отправился с Аксиньей Ващенко на базар в Акъяр. Они заночевали на постоялом дворе. Там же на их беду остановился и прихожанин Новочеркасского прихода Алексей Митрофанович Маяковский. Ночью мужчина отправился проверить своих лошадей. Так как кругом было темно, он «вздул спичку и стал отыскивать свою лошадь и набрел на повозку о. Ястребова и заметил лежащего там человека. Заглянув в повозку, увидел священника, который лежал там, в обнимку со своей кухаркой» [15, л. 57-58]. Григорий Васильевич Тугилинский видел, как настоятель обнимался с кухаркой у себя в доме. Следователь потребовал от свидетеля развёрнутых показаний. Мужчина описывал увиденное: «Войдя на двор, я вошел в дом, через отворенные сени. Из сеней в комнаты ведёт одна дверь, через кухню. Взявши её за скобу, я нашёл дверь запертой изнутри. Тогда я вышел из сеней на двор, чтобы через кухонное окно узнать дома ли батюшка. Когда я заглянул в окно, я увидел батюшку лежащим на лавке у самого окна. Рядом с ним в обнимку лежала его кухарка Аксинья. Увидев меня о. Александр соскочил с лавки, тут же за ним поднялась и Аксинья» [15, л. 53]. К делу приложен подробный план дома с детальным описанием проведенного 26 июня 1904 г. следственного эксперимента. По его результатам следствие пришло к выводу, что Григорий Васильевич говорит правду [15, л. 75-76]. Немало прихожан в разное время видели, как их батюшка мимоходом «шлёпает кухарку по заду», «оглаживает

её как кобылу» и «щиплет за грудь» [15, л.40, 45, 48, 59, 61-62]. Весной 1903 г. на масленичные гуляния жители Новочеркасского посёлка могли наблюдать, как отец Александр катался с Аксиньей в запряжённой лошадей повозке [15, л. 54, 62]. У прихожан сложилось единодушное мнение, что их настоятеля с кухаркой связывают «самые близкие, интимные отношения» [15, л. 54]. Аксинья Ващенко на суде катания на масленицу отрицала. По словам женщины, в Акъяр ездила со священником в одной повозке по хозяйственным делам, но спала не с ним в повозке, а отдельно. «Все показанное на меня ложь» [15, л. 86-88] - подытожила она свои показания. Александр Ястребов также не признавал себя виновным, заявив: «на масленицу я катался со своей женой, а что касается прелюбодеяния, то его невиновность может подтвердить медицинское освидетельствование, так как к супружеской жизни он уже около трех лет не способен» [15, л. 50-51]. Медицинское освидетельствование проводить не стали. Однако, обвинения в «нарушении святости брака», а, следовательно, и исключения из духовного звания Александру Ястребову удалось избежать. Действия иерея квалифицировали как «крайне соблазнительное отношение к женщинам». Решением консистории от 11 октября 1904 г., Александра Денисовича Ястребова навсегда исключили за штат «с запрещением священнослужения, рясоношения и крестаношения, с отдачей под особый надзор благочинного» [15, л. 125]. Отец Александр с семейством покинул Оренбургский край и поселился в Томской епархии [15, л. 205]. Много лет пытался добиться от Святейшего Синода своего оправдания, но цели так и не достиг [16].

Вступали во внебрачные связи вдовы священнослужители. Канонические правила воспрещали приходскому духовенству вступать во второй брак: «Кто после святого Крещения двумя браками обязан был, или имел наложницу, тот не может быть ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни вообще состоять в списке священного чина [27, с. 76]. – Гласит 17 Апостольское правило. Между тем, потеряв супругу, клирики далеко не всегда готовы были смириться с полным отсутствием интимной жизни. Т. Г. Леонтьева в монографии «Вера и прогресс» приводит откровенное признание вдового священника, пожелавшего остаться неизвестным: «монахом жить не могу, чувствую великое насилие над природой» [8, с. 36]. Очевидно, «насилие над природой» не мог выносить и Григорий Добровидов, в 70-х гг. XIX столетия служивший священником в Звериноголовской станице Челябинского уезда. Мужчина, овдовев, стал жить со своей ключницей. Добровидов не мог придать этим отношениям официальный характер, но сделал эту женщину хозяйкой в своём доме, познакомил со своими дочерьми, которые обучались в Уфе. Решением епархиального начальства священник был перемещен в другое село. Однако принятые меры не заставили отца Григория расстаться с женщиной. Он продолжал ездить в прежний приход, чтобы повидаться с ней [Подробнее см: 32, с. 21-28]. Епископ не стал предавать широкой огласке этот эпизод биографии Добровидова. Иерей продолжил службу. Его коллеге и брату по несчастью, жившему в начале XX столетия, повезло значительно меньше. Александр Михайлович Волгин родился в 1876 г. Он был старшим сыном в многодетной семье сельского псаломщика. Семья жила очень бедно, кроме того отец много пил. Денег, чтобы дать сыну образование у него не оказалось. Однако Александр, побуждаемый матерью, много занимался самостоятельно [5, с. 3-5]. Прослушал Противораскольнические и противосектанские курсы. Постепенно проходя должности учителя, псаломщика и дьякона Волгин в 1901 г. был рукоположен в священника. В семье у Александра Михайловича была жена – Елена Васильевна и дети: Василий, Пётр, Софья [23, л. 201-203]. На следующий год после рукоположения Елена Васильевна скончалась. Умерло и двое их детей. В живых остался только старший - Василий. Все эти события тяжело повлияли на священника, которому в то время едва сравнялось 26 лет. «С первого года своего вдовства я дал себе твёрдое обещание бороться за разрешение второбрачия для духовенства». [5, с. 27-28] - Вспоминал. А. М. Волгин. Под его руководством в Оренбурге создали тайный союз вдовых иереев. Его члены рассылали корреспонденцию в различные газеты и журналы. В этих публикациях они описывали тяжёлое по-

ложение овдовевших священнослужителей. Доказывали, что запрет на второй брак наносит большой вред престижу церкви и требовали отменить этот устаревший канон [5, с. 30-33]. Сам Волгин сошёлся для семейной жизни с бывшей учительницей церковно-приходской школы, Феодосией Назаровой, «с которой мы условились считаться перед Богом, людьми и своей совестью - мужем и женой» [5, с. 36]. В консистории скоро всё узнали. Однако до поры до времени епархиальные власти предпочитали закрывать глаза на эту связь. Волгин, тогда уже считался хорошим миссионером. Иерей присоединил к православной церкви немало иноверцев и сектантов. За свою деятельность он не только неоднократно получал благодарность от начальства, но и был награждён набедренным. С миссионерской целью Волгина в 1907 г. отправили в посёлок Викторовский Кустанайского уезда [24, л. 120]. Здесь тогда только организовывался приход, и на жителей сильное влияние оказывало течение баптизма. Александр Михайлович, как энергичный человек занялся постройкой нового храма и ревностно принялся за борьбу с баптистами. За впечатляющие успехи на этом пути иерей был избран окружным миссионером [10, с. 185]. Викторовцам настоятель понравился. Они снисходительно относились к его частной семейной жизни: «находя эту жизнь нормальной, хотя канонически и неправильной <...> Прихожане находили мой поступок более честным, чем делали другие вдовы священники, ежегодно меняя экономок» [17, л. 9-9об.].- Писал позже иерей. Неприятности у Александра Михайловича начались, когда весной 1912г. он вместе с любовницей и четырьмя детьми отправился в продолжительный отпуск. Иерей отсутствовал более месяца и прихожане, ссылаясь на данное обстоятельство, просили назначить в приход другого батюшку. Вернувшись в приход, Волгин, настроил против себя часть влиятельных прихожан тем, что отказался принять их в члены товарищества мелкого кредита, председателем которого он являлся [17, л. 2-3об.]. Последствия этого необдуманного поступка проявились очень быстро. Прихожане 11 февраля 1913г подали в консисторию повторную жалобу, в которой уже прямо указывали на незаконное сожительство их настоятеля с «посторонней девкой» [17, л. 7-7об.]. Дальше делать вид, что в консистории ничего неизвестно, епархиальные власти не могли. Местному благочинному Михаилу Тиунову, указом от 7 марта 1913 г. за № 3766 было поручено провести расследование [17, л. 6]. Следствие, начатое 17 марта, завершилось 24 числа того же месяца, поскольку Волгин обвинений не отрицал [17, л. 9-10]. Приговор по делу вынесли 5 апреля 1913 г. Александра Михайловича Волгина, «как не отрицавшего факта своего сожительства с женщиной», лишили сана и исключили из рядов приходского духовенства [17, л. 16об.]. Бывший иерей объявил о своём переходе в баптисты, едва получив на руки решение суда [17, л. 25-25об.]. Данный шаг позволил ему вступить с Феодосией в брак и обеспечивал материальную поддержку со стороны баптистской общины. Сначала Волгин с семьёй поселился в поселке Николаевском Кустанайского уезда [17, л. 38]. Позже перебрался в Омск [5, с. 62]. Затем следы бывшего священника теряются. История Александра Волгина наделала много шума, не только в Оренбургской епархии, но и далеко за её пределами. Статью о Волгине перепечатали Ставропольские [28, с. 225-232] и Владивостокские [9, с. 106-116] епархиальные ведомости. Брошюра Волгина с подробным описанием его перехода в баптизм в 1915 г. увидела свет в столице [5]. Безусловно, случившееся нанесло серьёзный удар по репутации духовного сословия.

4. Заключение.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что в среде приходского православного духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода имели место случаи прелюбодеяния. Во внебрачные связи вступали как холостые псаломщики, так и женатые клирики. На этот шаг духовенство, как правило, толкала неудовлетворённость личной жизнью и пристрастие к алкоголю. Серьёзному соблазну обзавестись любовницей подвергались вдовы клирики, поскольку второй брак им был запрещён. За доказанный факт прелюбо-

деяния виновного полагалось лишать сана и исключать его из духовного звания. Однако, оберегая репутацию сословия, власти епархии выносили приговор по данной статье только при наличии неопровержимых доказательств или чистосердечного признания обвиняемого.

Список источников и литературы

1. *Анекдоты прабабушки Домны* (1995) // Гостинный двор. № 2. С. 201-204.
2. Баикина, Ю. О., Устинова, О. В. (2019). *Морально-нравственный облик духовенства первой половины XIX века (на примере Тобольской губернии)* // Вопросы истории. № 11. С. 215-221.
3. Белоногова, Ю. И. (2010). *Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии)*. Москва: Изд-во ПСТГУ. 176 с.
4. Бернштам, Т. А. (2007). *Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии*. СПб.: Востоковедение. 311 с.
5. Волгин, А. М. (1915). *Жизнь и религиозные переживания бывшего миссионера-священника А. М. Волгина*. Петроград: Тип. Кюгельген, Глич и К. 62 с.
6. Иконников, С. А. (2020). *Материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX - начало XX века)*: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. СПб. 31 с.
7. Конюченко, А. И. (2006). *Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX - начало XX века)*. Челябинск: ЦНТИ. 210 с.
8. Леонтьева, Т. Г. (2002). *Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века*. Москва: Новый хронограф. 253 с.
9. Несмеянов, Д. (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Владивостокские епархиальные ведомости. № 13. Часть неофициальная. С. 106-116.
10. Несмеянов, Д. (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Оренбургские епархиальные ведомости. № 9. Часть неофициальная. С. 181-193.
11. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 1497.
12. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4543.
13. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4872.
14. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4894.
15. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 6037.
16. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7456.
17. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7646.
18. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7762.
19. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7764.
20. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1168.
21. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1332.
22. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1503.
23. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1541.
24. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1630.
25. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1791.
26. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1804.
27. *Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далманско-Истрийского* (2001). Москва: Отчий дом. 643 с.
28. Протоиерей Семеон Никольский (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Ставропольские епархиальные ведомости. № 30 Часть неофициальная. С. 225-232.

29. Скутнев, А. В. (2009). *Православное духовенство на закате империи*. Киров: Кировский фил. СПбГУП. 234 с.
30. Скутнев, А.В. (2007). *Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX - начало XX вв.)* // Новый исторический вестник. № 16 (2). С. 63-77.
31. Устав Духовных Консисторий (1883). СПб.: Синодальная типография. 200 с.
32. Фот, А. Г. (2014). «...Надеюсь... что недобрые слухи о вас - преотвратительная клевета»: к вопросу о нравственности православного приходского духовенства Оренбургской епархии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. С. 21-28.
33. Фот, А. Г. (2017). *Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859-1917 гг.* СПб.: Нестор-История, 272 с.

References

1. *Anekdoty prababushki Domny* (1995). [Jokes of great-grandmother Domna] in *Gostiny dvor*, 2, 201-204. (in Russian).
2. Baikina, Yu. O., Ustinova, O. V. (2019). *Moral'no-nravstvennyj oblik duhovenstva pervoj poloviny XIX veka (na primere Tobol'skoj gubernii)*. [The moral and moral image of the clergy of the first half of the nineteenth century (On the example of the Tabol province)] in *Voprosy istorii*, 11, 215-221. (in Russian).
3. Belonogova, Yu. I. (2010). *Prihodskoe duxovenstvo i krest'yanskij mir v nachale XX veka. (po materialam Moskovskoj eparxii)*. [Parish clergy and the peasant world at the beginning of the twentieth century (Based on the materials of the Moscow Diocese)]. Moscow, PSTGU Publ. (in Russian).
4. Bernshtam, T. A. (2007). *Prihodskaya zhizn russkoj derevni: Oчерки po cerkovnoj e'tnografii*. [Parish Life of the Russian village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg, Vostokovedenie Publ. (in Russian).
5. Volgin, A. M. (1915). *Zhizn' i religioznye perezhivaniya byvshego missionera-svjashhennika A. M. Volgina*. [The life and religious experiences of the former missionary priest A. M. Volgin]. Petrograd, Tip. Kjugel'gen, Glich i K. Publ. (in Russian).
6. Ikonnikov, S. A. (2020). *Material'noe obespechenie prihodskogo dukhovenstva tse'ntral'no-chernozemykh gubernii Rossii (vtoraia polovina XIX - nachalo XX veka)*. [Material support of the parish clergy of the central chernozem provinces of Russia (the second polovine XIX - the beginning of the veka.)]. (doctoral dissertation abstract). St. Petersburg.
7. Konyuchenko, A. I. (2006). *Tona i polutona pravoslavnogo belogo duxovenstva Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka)*. [Tones and semitones of the Orthodox white clergy of Russia (the second half of the XIX - early XX century)]. Chelyabinsk, CzNTI Publ. (in Russian).
8. Leonteva, T. G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duxovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka*. [Faith and Progress: the Orthodox Rural Clergy of Russia in the second half of the XIX-early XX century]. Moscow, Novyi xronograf Publ. (in Russian).
9. Nesmejanov, D. (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v baptizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti*, 13, Chast' neoficial'naja, 106-116. (in Russian).
10. Nesmejanov, D. (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v baptizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in *Orenburgskie eparhial'nye vedomosti*, 9, Chast' neoficial'naja, 181-193. (in Russian).
11. *Ob#edinjonnyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA00)*. [The United State Archive of the Orenburg Region (OGA00)]. F. 173. Op. 3. D. 1497. (in Russian).
12. OGA00. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4543. (in Russian).

13. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4872. (in Russian).
14. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4894. (in Russian).
15. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 6037. (in Russian).
16. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7456. (in Russian).
17. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7646. (in Russian).
18. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7762. (in Russian).
19. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7764. (in Russian).
20. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1168. (in Russian).
21. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1332. (in Russian).
22. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1503. (in Russian).
23. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1541. (in Russian).
24. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1630. (in Russian).
25. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1791. (in Russian).
26. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1804. (in Russian).
27. Pravila Pravoslavnoj cerkvi s tolkovanijami Nikodima episkopa Dalmansko-Istrijskogo (2001). [The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus Bishop of Dalmatian-Istria]. Moscow, Otchij dom Publ. (in Russian).
28. Protoierej Semeon Nikol'skij (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v bap-tizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in Stavropol'skie eparhial'nye vedo-mosti, 30, Chast' neoficial'naja, 225-232. (in Russian).
29. Skutnev, A. V. (2009). *Pravoslavnoe duxovenstvo na zakate imperii*. [Orthodox clergy at the decline of the Empire]. Kirov, Kirovskij fil. SPbGUP Publ. (in Russian).
30. Skutnev, A. V. (2007). *Prixodskoe duxovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanoni-cheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.)*. [Parish clergy: peculiarities of men-tality and non-canonical behavior (second half of the XIX - early XX centuries)] in Novyi istori-cheskii vestnik, 16 (2), 63-77. (in Russian).
31. Ustav Duhovnyh Konsistorij (1883). [The Statute of Spiritual Consistories]. St. Peters-burg, Sinodal'naja tipografija. (in Russian).
32. Fot, A. G. (2014). «...Nadeius... chto nedobrye slukhi o vas - preotvratitel'naia kleve-ta»: k voprosu o npravstvennosti pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Orenburgskoi eparx-hii. [«...I hope... that unkind rumors about you are a disgusting slander" on the question of the mo-rality of the Orthodox parish clergy of the Orenburg diocese] in Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 3, 21-28. (in Russian).
33. Fot, A. G. (2017). *Povsednevnyaya zhizn pravoslavnogo prihodskogo duxovenstva Orenburgskoj eparxii: 1859-1917 gg.* [Daily life of the Orthodox parish clergy of the Orenburg Diocese: 1859-1917]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (in Russian).